

Понимание и не-понимание: стремление не стремиться

Анна Чальцева (Магистерская программа «Философская антропология»)

В работе В. Бибихина «Слово и событие» встречаются следующие слова: «Философия призвана разобрать себя как леса после постройки дома»¹. Философия, которая «призвана разобрать себя как леса после постройки дома», помимо того, что снабжает нас посредством собственного содержания материалом для раздумий и разглядывания, служит еще и иллюстрацией самой себя. Иными словами, она подготавливает произносящего и читающего ее не столько к ее развитию, сколько к «разбору», «реконструкции», «пересозданию».

Зачем это нужно? Не работает ли понимание (каковым и является философия) как некий генеральный план понимающего – поскольку скоро нечто действительно оказывается понято, все, что нужно, – просто развивать это понимание, придерживаясь его, усложняя и распространяя его на все большее количество вещей. Но каждый из нас может ежедневно наблюдать такое положение вещей, которое явно противоречит только что заявленному, когда какой-то судя повсемупонявший² человек (будь то кто-то другой или я сам) совершает более или менее вопиющее отклонение от понимания, отклонение не столько даже от содержания предшествующего понимания, сколько от самой практики понимания. В таких «отклонениях», как кажется, содержится противоречие. И либо оно там действительно содержится, либо с нашим пониманием понимания что-то не так.

Из содержания того или иного понимания самого по себе никак нельзя заключить о необходимости понимать. Понимание, будучи выражено словесно, говорит лишь о том, о чем говорит – об обществе, о мышлении, о понимании. Пониманию, имеющему содержание, сложно оторваться от него, – иначе, что же оно понимает? Стало быть, новое понимание свершается совсем не за счет предшествующего, а в силу чего-то иного.

Любая философия, опирающаяся на понимание, которое в свою очередь коренится в искренней заинтересованности миром, должна быть разобрана по построению уже потому, что само знание такой философии мешает ее воплощению. Эта философия говорит либо о том, как нечто случилось, либо о том, как нечто случается, но никак ни о том, что это нечто непременно должно случиться. Внутри нее можно оказаться лишь тогда, когда она в какой-то момент с нами произошла (а в следующий – снова не произошла).

В каком смысле знание об этой философии препятствует ее реализации? Оно заставляет меня одновременно желать некоторого положения вещей, той же способности испытывать

Понимание и не-понимание: стремление не стремиться

интерес, но одновременно и различать, наступил ли этот момент или все еще нет. Такая философия подразумевает одновременно доверие к миру и недоверие к себе. Отсюда два фарватера ее возможных практических последствий.

Во-первых, она может действовать согласно правилу “«не сотвори мысль там, где она неуместна, где ничто не давало согласия на ее сотворение»”. Такой подход к философии отдает преимущество не эстетике мысли, или просто ситуации открытости миру (которая совершенно не обязательно принимает форму мысли). Хотя такая эстетика, безусловно, присутствует, она никогда не замещает удивления перед возможностью возникновения подобной ситуации как таковой. В таком случае, в собственной философии Бибахин ценит именно возможность ее формулирования, а не то, насколько интересно ее содержание (а ее содержание, безусловно, достаточно интересно). Здесь – первенство возможности мысли перед мыслью как таковой.

Но существует и возможность иных взаимоотношений с такой философией. Они подразумевает в первую очередь восхищение и удивление тем, что именно такая философия заявляет. Причем здесь отнюдь не исключается подлинный интерес и открытость миру, пока есть эта самая поглощенность содержанием. В момент непосредственно создания философии этот и первый подход оказываются совмещенными. Разница заключается лишь в том, что этой второй философии отказывается в “«разборке»”, в отмене, а значит, и в реализации.

Здесь на первый план выступает интерес, заключенный в содержании как таковом. Проблема такого подхода заключается в том, что любое содержание может быть присвоено. Присвоенное содержание имеет мало общего с незаинтересованностью, которая и заключена в мире, призывающем нас мыслить и просто быть в некотором до-мыслительном или вокруг-мыслительном настроении. Здесь содержание становится скорее свидетельством моего существования, нежели свидетельством существования мира.

Такое присвоение подразумевает претензию на воспроизведение однажды уже помысленной мысли тогда, когда эта мысль отказывает в своем воспроизведении (то есть в пересоздании, в том, чтобы быть действительно помысленной, то есть помысленной как бы впервые, абсолютно независимо от того, мыслилась ли она мной (или кем-то другим) ранее). Проблема здесь заключается не столько в присвоении как таковом, которое так или иначе нами всегда совершается, поскольку мы у себя есть и поскольку у нас есть память и способность желать, столько в том, что по какой-то причине в этой дорогой нашему сердцу ситуации понимания мы можем не увидеть принципиально возможной невозможности такой ситуации,

Понимание и не-понимание: стремление не стремиться

с которой, (коль) как скоро мы хотим мыслить, необходимо будет время от времени сталкиваться.

Философия обращения мира к нам, философия уместности мысли и действия становится таким образом философией, которая ничего не говорит о том, как надо делать (вместо этого речь ведется о том, как делается), но вполне себе говорит о том, как делать не надо. Она учит меня внимательности к себе (затем) для того, чтобы мне не случилось пренебречь миром.

Для этого совершенно необходимо сохранить первенство за восхищением самим событием, отдать ему преимущество перед восхищением содержанием понятого. Потому что если мне так уж нравится чувствовать себя хорошо, то очень скоро я замечу, что количество ситуаций, когда мне приятно, отчего-то превосходит количество ситуаций того, что выше было названо внимательностью. Если вдумчивое прочтение, скажем, лекций Хайдеггера подтверждает мое существование, то точно так же его подтверждает и множество других ситуаций, когда я, внутри определенной среды, оказываюсь прав, а не задумчив. Эстетическое восхищение той или иной концепцией рискует совершенно упустить из виду то, что иногда действительность поворачивается к ней так, что либо делает ее малосовместимой с действительностью, либо попросту вытесняет ее за пределы действительности. В этом кроется опасность любого, пусть и самым правильным образом сформированного убеждения, – в том, что восхищение его правильностью всегда сопряжено с удовольствием от того, что я это убеждение поддерживаю. Хотя в таком удовольствии нет ничего постыдного, оно бывает уместным лишь в сочетании с внимательностью к конкретному случаю его применения.

То есть, философия должна быть разобрана, как леса не (затем) потому, что она устарела и на ее месте должна возникнуть какая-то другая, новая и удивительная, а (затем только) для того, чтобы построенная философия не применялась всуе и оказалась бы вновь воздвигнута, хотя бы и в том же самом виде (даже скорее в том же самом виде), как только этого потребуют мир и момент.

Проблему понимания разрешает не философия, а философствующий (или нефилософствующий – ведь философия представляет собой одну из форм внимательности, а не внимательность как таковую). Философия может стать лишь эпизодом понимания, но само понимание – это дискретные акты внимательного отношения к миру, как он показывает себя в данный момент.

Эта философия ни в коем случае не призывает читающего ни к борьбе с ней, ни к произведению над ней некоей *Aufhebung*, а всего лишь к осторожному отказу от применения

Понимание и не-понимание: стремление не стремиться

этой философии к тому, что в данный момент такому применению отчего-то сопротивляется. Бытие как «возможность просто»³ то делает мысль возможной, то не делает. Если мир – это действительно «то, чем, а не то, что мысль мыслит»⁴, то любое мышление становится неустойчивым, мимолетным, попадает в зависимость от не-мышления. Тут совершается переворот: мир теперь стоит не на выверенном понимании-мышлении индивида, делящего свой мир за счет последовательного соблюдения собственных максим; напротив, понимание теперь зависит от мира и вряд ли может что-то ему предложить, находясь вовне его.

Один эпизод понимания, даже понимания понимания, с необходимостью не спасает нас от последующего не-понимания. Но, может быть, правильный подход к ситуации понимания, превращение и ее в объект понимания, поспособствует тому, чтобы ««отрицательное»» не-понимание, то есть не-понимание, которому открыт мир лишь как то, с чем сейчас ничего не стоит делать, не перешло в не-понимание ««утверждающее»», то есть в такое не-понимание, которое забывает, что главный критерий легитимности и уместности как мысли, так и не-мысли, как действия, так и не-действия – внимательность.

Но не ставит ли нас эта внимательность вновь за пределы мира, в котором только и может случиться понимание? Как, спрашивается, можно соблюдать такую внимательность, когда это соблюдение по определению подразумевает двойное акта понимания, на само понимание и на наблюдающую его извне внимательность?

Конечно, на такую внимательность согласиться никак нельзя, так как в таком случае она становится тем не разобраным пониманием, обоснованию необходимости разбора которого был посвящен весь этот текст. Внимательность поэтому неким странным образом должна принимать участие в понимании, чтобы понимание действительно было пониманием.

В каком отношении друг к другу находятся внимательность и понимание? На этом этапе рассуждения может показаться, что они представляют собой одно и то же. Однако все же, как было сказано выше, внимательность может присутствовать и вне понимания, удерживая нас от выводов и поступков.

Обратившись к лекциям о Витгенштейне, скажем, что понимание – это обращение внимания⁵, тогда как внимательность – способ его организации. Здесь вновь приходится говорить не о том, как, проникнув в некоторое общее для понимания и не-понимания пространство, отделить понимание от не-понимания, а о том, каким образом понимание, где всегда уже есть внимательность, разворачивается.

Понимание и не-понимание: стремление не стремиться

Внимательность в понимании не применяется, не оказывается инструментом для организации понимания. Внимательность – механизм его самоорганизации. Если понимание – это всегда понимание целого, то внимательность в таком случае можно охарактеризовать как ограничение понимающего в его стремлении стремлением к тому, что уже есть, то есть ко всему, выступающему под видом целого.

Под пониманием часто подразумевают представление, очищенное от всякого пристрастия, личного предпочтения, всякого интереса. Понимание поэтому может быть продемонстрировано другому. Однако понимание исключает всякое предпочтение и интерес отнюдь не потому, что понимающий абстрагируется от них, а потому, что испытываемое им стремление оказывается реализуемым внутри самого понимания. Пониманию оказывается чуждо любое не-понимающее стремление, то есть стремление, дробящее пространство понимания на части. Внимательность оказывается вписанной в понимание именно как такое стремление к тому, что, по сути, уже исполнилось, как только сложилось пространство понимания.

Между стремлением и его реализацией в понимании нет никакого зазора. Что касается внимательности, существующей вне понимания, то это, скорее, удача вовремя узнать в собственном стремлении к интересному потребность избавиться от скуки. Узнать и отшатнуться от него, не потому, что здесь и сейчас знаешь, в пользу чего отказываешься, а просто потому, что не то.

Понимание и не-понимание: стремление не стремиться

Библиография

Бибихин В.В. Мир. М.: Азбука, 2016.

Бибихин В.В. Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Бибихин В.В. Витгенштейн. Лекции и семинары 1994-1996 годов. СПб.: «Наука», 2019.

Сноски

1 *Бибихин В.В.* Слово и событие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

2 К этой формуле я прибегаю в силу больших сложностей, которые представляет овнешненное, относящееся лишь к содержанию, объяснение того, почему в таком-то случае понимание действительно было (если такое объяснение вообще возможно). Поэтому я полагаюсь скорее на возможность правильного указания на понимание.

3 *Бибихин В.В.* Мир. М.: Азбука, 2016. С. 86.

4 Там же. С. 134.

5 «Философия есть обращение внимания и больше ничего». *Бибихин В.В.* Витгенштейн. Лекции и семинары 1994-1996 годов. СПб.: «Наука», 2019.

6 Это целое представляет собой такую плоскость, где находятся и желание, и желаемое: они не оказываются противопоставлены в силу того, что желание как путь к его исполнению и желаемое как достигнутое положение вещей представляют собой указание на возможность этого целого и, следовательно, на радость участия в нем.